

ДРАМА ИЗ НАРОДНОГО БЫТА И ГЕНЕЗИС НАРОДНЫХ РАССКАЗОВ Л.Н. ТОЛСТОГО НАЧАЛА 1860-х гг.

М.Ф. Асташенкова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; mariastash@yandex.ru*

Аннотация: Пьесы «Гроза» А.Н. Островского и «Горькая судьбина» А.Ф. Писемского, несмотря на сходство сюжета и проблематики, получили разную оценку Л.Н. Толстого: если «Гроза», по его мнению, была «плачевным» произведением, то «Горькая судьбина», напротив, ему понравилась. Как показано в статье, это было обусловлено специфическими представлениями писателя о моральных ценностях крестьян и о характере их мышления. В 1860–х гг. Толстой занимается крестьянским вопросом и сам работает над рядом рассказов о простонародной жизни. Классический конфликт, основанный на изображении супружеской измены, получил в них оригинальное решение: если традиционно авторы предлагали трагическую развязку действия (смерть одного из супругов, как в «Грозе», или гибель ребенка, как в «Горькой судьбине»), то Толстой показывает другой вариант развития событий: по сюжету одного из его неопубликованных рассказов «Тихон и Маланья» муж, узнав об измене жены, избивает ее, чему она, в свою очередь, и не думает противиться. После этого их семейная жизнь налаживается, что свидетельствует о прочных взаимоотношениях супругов. Подобный вариант «искупления» вины трактуется Толстым как мирное разрешение конфликта и свидетельство гармоничного восприятия жизни крестьянами. Как представляется, подобные соображения Толстого могли быть вызваны не только общим интересом к крестьянскому укладу жизни и его увлечением А. Базыкиной, но и реакцией писателя на пьесы Островского и Писемского.

Ключевые слова: «Горькая судьбина»; А.Ф. Писемский; А.Н. Островский; «Тихон и Маланья»; Л.Н. Толстой; простонародье; национальный вопрос; крестьянский быт; семейное счастье

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-05-15

Для цитирования: Асташенкова М.Ф. Драма из народного быта и генезис народных рассказов Л.Н. Толстого начала 1860-х гг. // Вестн. Моск. ун-та. 2024. № 5. С. 192–201.

RUSTICAL DRAMA AND L.N. TOLSTOY'S FOLK STORIES OF THE EARLY 1860s

M.F. Astashenkova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; mariastas@yandex.ru

Abstract: A.N. Ostrovsky's *Storm* and A.F. Pisemsky's *Bitter Fate*, despite similarity of the plot and problems, received a different assessment by L.N. Tolstoy: *The Storm*, in his opinion, was a "pitiful" work, but, on the contrary, he liked *Bitter Fate*. As it is shown in the article, this was due to the writer's specific ideas about the role of moral values in the life of peasants and the nature of their thinking. In the 1860s, Tolstoy himself, preoccupied with the peasant question, worked on a number of stories about the common people's life. The classic conflict based on the depiction of adultery received an original solution in them: whereas traditionally the authors proposed a tragic outcome (for example, the death of one of the spouses, as in *The Storm*, or the death of a child, as in *Bitter Fate*), Tolstoy shows another scenario — according to the plot of one of his unpublished short stories "Tikhon and Malanya", the husband, upon learning about his wife's infidelity, beats her, which she, in turn, does not think to resist. After that, their family life gets better. According to the people's community, this indicates a real feeling between the spouses. Such a variant of "atonement" of guilt is interpreted by Tolstoy as a peaceful resolution of the conflict and testifies to the harmonious perception of life by peasants. It seems that such reflections of Tolstoy could be caused not only by common interests in the peasant way of life and his passion for A. Bazykina, but also by the writer's reaction to Ostrovsky's and Pisemsky's plays.

Keywords: *Bitter Fate*; A. Pisemsky; "Tikhon and Malanya"; L. Tolstoy; common people; national question; peasant's life; family happiness

For citation: Astashenkova M. (2024) Rustical Drama and L.N. Tolstoy's Folk Stories of the Early 1860s. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 192–201.

В письме А.А. Фету 23 февраля 1860 г. Л.Н. Толстой писал: «Гроза» Островского <...> плачевное сочинение, а будет иметь успех» [Толстой 1949: 324–325]. За несколько месяцев до этого в письме А.В. Дружинину Толстой высказался о «Горькой судьбине» А.Ф. Писемского, причем его мнение было кардинально иным: «Драма Писемского мне очень и очень понравилась: здорово, сильно и правдиво, невыдуманно. Но и в ней он, как и в других своих отличных вещах, не избег неловкостей ужасных. Как этот барин на барьер мужика вытягивать хочет?» [Толстой 1949: 317].

Имя самого Толстого в 1850-е гг. упоминалось в одном ряду с именами Писемского и Островского. Всех троих занимал популярный тогда вопрос о принципах изображения народного быта¹.

¹ См., например: [Вдовин 2011].

Мы покажем, как в неопубликованных рассказах о крестьянах Толстой пользуется мотивами пьес современников, чтобы, однако, предложить читателю оригинальное понимание указанной темы, корреспондирующее с его личным опытом взаимодействия с крестьянами.

Всплеск интереса к крестьянской теме пришелся еще на конец 1840-х гг. Крестьянство с его загадочным мироощущением занимало писателей не только само по себе, но и в связи с вопросом о сути русского национального характера². П.В. Анненков утверждал: «Искусству <...> нужна идея, выраженная национальностью»³. Этот императив рождал ряд вопросов: может ли крестьянин вообще быть предметом художественного изображения? Какими средствами и в какой жанровой форме должно описываться это загадочное явление? Вопрос о языке, на котором должны говорить люди из народа в художественных текстах и языке описания этих людей был, к примеру, одним из ключевых в тургеневском «Хоре и Калиныче». Как писал А.В. Вдовин, язык повествования отсылает к статьям Белинского и языку передовой молодежи 1840-х гг., вдохновленной философией Гегеля [Вдовин 2016].

В 1854 г. была опубликована статья П.В. Анненкова «По поводу романов и рассказов из современного быта». В ней сформулирован важный тезис: «полнота типа» должна достигаться не «более или менее верным, по внешности, представлением простонародных классов в их сферах, а открытием всего общества, понятого как одно нравственное лицо, живущее и действующее по законам своей природы». Критик призывал смотреть на крестьянство как на цельный, но еще не понятый высшими классами мир со своими духовно-нравственными устоями.

Представителя такого сообщества воссоздал Писемский в «Горькой судьбине». Сюжет пьесы выстраивается вокруг конфликта в семье оброчного мужика Анания. В его отсутствие Лизавета, его жена, вступила в связь с помещиком Чегловым-Соковиным и родила от него ребенка. Узнав об измене, Ананий приходит в ярость. Для него супружеская верность и религиозные заповеди в целом имеют огромное значение. Однако после семейных сцен он решает усыновить мальчика, чтобы избежать позора.

Между тем, чувства Чеглова и Лизаветы взаимны. Но несмотря на сословное преимущество, барин боится Анания как законного мужа Лизаветы. Чеглов обладает характерной чертой литературных героев 1840–1850-х гг. — внутренней слабостью. Он не способен

² См., например: [Самочатова 1972; Соколова 2009].

³ Анненков П.В. О двух национальных школах живописи в XV столетии // Библиотека для чтения. 1861. № 2. Отд. II. С. 36.

защитить любимую женщину и признает, что нравственная правда за Ананием. Поэтому способ благородного разрешения конфликта с мужиком — посредством дуэли — не кажется Чеглову абсурдным. Сословные границы в таких важных для него вопросах, как любовь и семья, как бы стираются — неслучайно он говорит Ананию: «Забудь, что я тебе господин». Однако в желании разрешить конфликт через дуэль чувствуется романтизированность его мировосприятия. Едва ли в России можно было бы встретить помещика, который не счел бы такую затею невозможной, на что и указал Толстой. Сам Ананий чувствует это, говоря: «Ваши слова, судырь, я за один только смех принять могу: наша кровь супротив господской ничего не стоящая».

Далее Ананий в состоянии аффекта убивает ребенка. Спустя несколько дней он раскаивается в содеянном и выражает желание понести наказание, ведь «от суда человеческого можно убежать и спрятаться, а от Божьего некуда!»

Исследователи обращали внимание на параллели между «Горькой судьбиной» и «Грозой» Островского. Пьесы были опубликованы в один и тот же, 1860 год в «Библиотеке для чтения» и получили Уваровскую премию, подтверждавшую их значимость для русской культуры (см.: [Зубков 2021: 212]). Оба писателя выводят на передний план проблему угнетения женщин в замкнутом патриархальном мире (см. [Лотман 1961: 175–179]). Сюжетная линия измены замужней женщины, ее последующие душевные метания, притеснение членами семьи и трагическая развязка — все это роднит пьесы [Журавлева 2013: 202–204]. Лизавета в «Горькой судьбине» влюбляется в Чеглова, когда ее муж находится на заработках. Катерина в «Грозе» решается на измену в тот момент, когда уезжает по делам Тихон. Грех Лизаветы осуждает ее мать, которой не чужды архаичные представления о том, что муж должен воспитывать и наказывать жену; взгляды Кабанихи нет необходимости излагать. И Чеглов, и Борис проявляют несостоятельность в тот момент, когда их возлюбленным нужна поддержка. Сложная жанровая природа произведений, соединяющих черты драмы и трагедии, также сближает пьесы Писемского и Островского. Как показал К.Ю. Зубков, пьесы нужно интерпретировать не столько как попытку драматургов описать самосознание нации, сколько как попытку его сформировать [Зубков 2021: 223–229].

В обоих произведениях изображено столкновение между сословиями и социальными группами — представителями провинции и Москвы (Борис не только образован, но и, по матери, «благородный») в «Грозе» и крестьянским и дворянским сословиями в «Горькой судьбине». Современные созданию пьес события — Великие

реформы и даже польское восстание 1863 г. — способствовали стиранию границ между сословиями [Майорова 2008: 357–358]. В эпоху фундаментальных общественных перемен начало пробуждаться самосознание недавно освобожденных крестьян, а также купцов и разночинцев, что сближало их с представителями привилегированного сословия. Однако пьесы демонстрируют невозможность полного преодоления сословных границ.

Толстой, в конце 1850-х — начале 1860-х гг. живущий в деревне и втянутый в процесс освобождения крестьян, не мог не заинтересоваться этими пьесами. В это время он сам увлекся созданием рассказов из простонародного быта. К этому периоду его творчества принято относить ряд отрывков из неозаглавленных рассказов о деревенской жизни [Толстой 1936: 106–116]⁴, а также рассказ (повесть), разные редакции которого носят разные названия: «Идиллия», «Тихон и Маланья», «Оно заработки хорошо, да и грех бывает от того» (предположительно 1862 г.).

Работе над рассказами также предшествовал интерес Толстого к немецким народникам. В 1856 г. он прочитал «Деревенские рассказы» Ауэрбаха, а в 1858 (или 1859) году — роман «Новая жизнь» [Эйхенбаум 2009: 374]. Это произведение предлагает читателю систему морально-этических правил, восходящих к Руссо. У Ауэрбаха Толстой нашел то, чего не находил у славянофилов, — модель жизни, основанную на религиозных постулатах и при этом практически осуществимую. В 1860 г. изучение Толстым немецкого народничества продолжилось благодаря В.Г. Рилью. Особенно близок Толстому был взгляд немецкого мыслителя на социальные проблемы, которые Риль трактовал с моральных позиций [Эйхенбаум 2009: 394–395].

Моральная проблематика пьес Островского и Писемского также должна была привлечь Толстого. Особый интерес представляет здесь образ Анания. С одной стороны, Писемский не идеализирует мужа Лизаветы. С другой — оброчный мужик становится носителем религиозных и нравственных истин. В финале он покоряет всех искренним раскаянием и принятием своей доли, а его речи напоминают проповеди.

Образ мужика, морально превосходящего дворянина, должен был импонировать Толстому. В 1850-е гг. писатель интересуется не только народной темой в литературе, но и реальным положением крестьянства, его языком, бытом и моральными устоями. По приезде в Петербург в 1855 г. он знакомится с К.Д. Кавелиным и его проектом освобождения крестьян [Гусев 1957: 36–37]. «Горькая судьбина» прекрасно иллюстрирует тезисы Кавелина о том, что

⁴ Точное время создания произведений не установлено.

крепостное право развращает привилегированное сословие и ведет к раболепству мужиков. Мысль, вынесенная в кульминационный монолог Анания, демонстрирует, к чему в нравственном отношении должен стремиться каждый: к всепрощению, безусловной любви к ближним, в том числе врагам, к готовности пострадать за грехи.

Пьеса тем более должна была заинтересовать Толстого, что в это же время он обдумывал мысль о женитьбе на крестьянке. В 1858 г. Толстой увлекся Аксиньей Базыкиной. «Я влюблен, как никогда в жизни. Нет другой мысли» [Толстой 1952: 14], — писал он 13 мая 1858 г., хотя уже 16 июля отмечал, что она ему «постыла» [Толстой 1952: 15]. Переменчивость его психологически понятна; зато в художественном творчестве эта связь была полезна для создания сложного образа крестьянского мира.

В 1860 г. у Толстого появился замысел повести с таким сюжетом: «Работник из всех одолел девку или бабу» [Толстой 1952: 27]. Основой незаконченной повести «Идиллия» стал рассказ матери А.И. Соболева, служившего в Ясной Поляне приказчиком [Толстой 1936: 351]. При этом прототипом героини Маланьи считается Базыкина. Однако, как кажется, у Маланьи был и другой прообраз — литературный. Некоторые детали «Идиллии» заставляют вспомнить «Горькую судьбину».

Повесть (рассказ) имела много вариантов начала. Одна из версий, «Тихон и Маланья», начинается с того, что в деревню возвращается крестьянин Тихон Ермилин. Дела у него идут хорошо, однако он старается не привлекать внимания к своей удачливости, как бы не желая оскорбить ею окружающих. Тихон привез домашним гостинцы: жене Маланье — «ситец большими цветами». Он обещает когда-нибудь взять жену с собой в отъезд, чтоб та не скучала. Отрывок заканчивается тем, что в дом на время нового отсутствия Тихона берут работника Андрея. Он и должен был стать тем «работником из всех», которого полюбит Маланья.

Третья редакция, имеющая название «Оно заработки хорошо, да и грех бывает от того», была завершена. Развивая начатый ранее сюжет, Толстой раскрывает характер Маланьи. Красивая, веселая, пышущая здоровьем, она привлекала взгляды многих мужчин, со всеми была приветлива, но любила только мужа (в этой редакции он носит имя Евстрат). У них не было детей, что очень беспокоило Маланью. Толстой подчеркивает, что это было не только ее личной драмой: ей было «людям стыдно», что у нее, здоровой и молодой женщины, нет ребенка. С этой точки зрения желание изменить мужу оказывается морально оправданным как естественное желание продолжить род. Идея «стыда перед людьми» важна постольку, поскольку крестьянство осмысляется Толстым как сообщество, в ко-

тором почти нет частной жизни, — и проблемы, и счастливые обстоятельства жизни воспринимаются как общезначимые. Это не исключает того, что каждый крестьянин имеет свой характер и может совершать поступки, идущие вразрез с общим жизненным укладом. Показателен в этом отношении один из вариантов начала «Тихона и Маланьи», когда Тихон, возвращаясь домой, видит старика Анисима, который не без зависти отмечает, что дела Тихона идут хорошо. Разбогатевший Тихон как бы выбивается из общины. Особое значение получает и заглавие: Маланья изменяет мужу по тому, что он ради заработка покинул жену и родную деревню.

Итак, при знакомстве с вариантами рассказа напрашивается вывод о его сюжетном родстве с «Горькой судьбиной», а отчасти и с «Грозой». Мотив супружеской измены в крестьянской среде позволял Толстому, с одной стороны, изобразить народную среду изнутри, а с другой — представить любовный конфликт с новой, неожиданной стороны. Традиционно сюжетная коллизия женской измены влекла за собой два варианта развития событий: жена либо жестоко наказывалась мужем согласно религиозным и народным традициям, либо заставляла страдать супруга, что вело к общим мучениям. Оба варианта реакции обманутого мужа на измену жены совмещены Островским в финале «Грозы»; второй из них представил Писемский в «Горькой судьбине». По мысли же Толстого, оба варианта говорят о кризисе патриархальных ценностей и уклада жизни, ибо имеют равно трагический характер. Толстой, в преддверии реформы 1861 г. искавший способы практического единения с народом и оптимистично смотревший на возможность преодоления межсословных барьеров, не одобрил, видимо, излишнюю «сделанность», литературность интриги в пьесах Островского и Писемского. Уже отмечалось, что в пьесе Писемского ему не нравился мелодраматический мотив дуэли. Негативное же восприятие пьесы Островского, вероятно, объясняется тем, что Толстому не нравился образ главной героини, в котором можно было видеть воплощение идеи необходимости женской эмансипации.

Сам Толстой предлагает новый вариант развития сюжета из народного быта: любовь Маланьи к Андрею не влечет за собой трагических последствий. Муж Маланьи, узнав об измене, по традиции избивает ее, однако Маланья и не думает противиться или обижаться. И она сама, и окружающие воспринимают битье не как наказание, а как нечто должное, как искупление греха. После этого супруги быстро мирятся, не просто не воспринимая произошедшее как фатальное для семейного счастья, но даже вспоминая о нем как о забавном случае. Евстрат иногда рассказывает со смехом, как он нашел в сарае сапоги Андрея, которые тот забыл, уходя. Маланья после

примирения с мужем забывает про былые чувства к работнику, но рождает от него первого, любимого сына, что, как дает понять автор, не нарушает семейную идиллию — скорее наоборот.

Б.М. Эйхенбаум писал, что в этой повести (рассказе) Толстой полемизировал с авторами беллетристических произведений о народе, в которых акцент делался на противоестественности крепостного права, разрушающего семьи и не дающего простолюдинам жить счастливой жизнью [Эйхенбаум 2009: 418]. Как мы показали, чувствуется в ней и полемичность по отношению к пьесам Островского и Писемского, в которых раскрыты не только «внешние» причины драмы внутри крестьянской семьи, но и внутренние — личная неудовлетворенность одного из супругов семейными отношениями. Представленное Толстым мирное разрешение ситуации подтверждает веру в душевную гармонию и добродушие, свойственные простому человеку, а также в возможность внутрисемейной и социальной идиллии. Толстому удалось сделать то, что не вполне удалось Писемскому, — показать «общество, понятое как одно нравственное лицо, живущее и действующее по законам своей природы»⁵. В этом смысле народные рассказы Толстого должны прочитываться в контексте конструирования национального сообщества в эпоху реформ. Островский и Писемский используют для воссоздания героев из народа приемы, которые обычно применялись для изображения дворян с их сложным внутренним миром, рефлексией и душевными метаниями (подробнее см. [Вдовин 2011: 302]). Толстой же ищет новые нарративные решения, позволяющие представить собственно народную психологию, отличную от дворянской, хотя и задающую пример того здорового и при этом нравственного отношения к жизни, которое могут усвоить все читатели. Обращаясь к классическому мотиву любовного треугольника, Толстой показывает, что мужичьи представления об измене и семье отличны от принятых в хорошем обществе, что, однако, не делает их примитивными или безнравственными. Крестьянская мораль, выраженная крестьянским языком, призвана создать основу для благополучного развития нации в целом. Хотя оптимизм Толстого вскоре сменится разочарованием в реформах, а из народных рассказов был опубликован лишь трагический «Поликушка», это также подтверждает корреляцию между общественными представлениями писателя начала 1860-х гг. и его художественными поисками, учитывающими современные тенденции развития литературы о народе и в то же время направленными на ее перевод на новый уровень.

⁵ Анненков П.В. О двух национальных школах живописи в XV столетии // Библиотека для чтения. 1861. № 2. Отд. II. С. 37.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вдовин А.В. Русский народный характер как «литературный обман» (рассказ А.Ф. Писемского «Леший») // *Studia russica helsingiensia et tartuensia*, XII: мифология культурного пространства. Тарту, 2011. С. 301–317.
2. Вдовин А.В. «Неведомый мир»: русская и европейская эстетика и проблема репрезентации крестьян в литературе середины XIX века // *Новое литературное обозрение*, 2016, №5. С. 287–315.
3. Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М., 1957.
4. Журавлева А.И. Трагедийное в драматургии Островского // Журавлева А.И. Кое-что из былого и дум: О русской литературе XIX века. М., 2013. С. 202–204.
5. Зубков К.Ю. Сценарии перемен. Уваровская награда и эволюция русской драматургии в эпоху Александра II. М., 2021.
6. Лотман Л.М. А.Н. Островский и русская драматургия его времени. М.; Л., 1961.
7. Майорова О.Е. Образ нации и империи в верноподданнейших письмах к царю (1863–1864) // *И время и место: Историко-филологический сб. к шестидесятилетию Александра Львовича Осповата*. М., 2008. С. 357–368.
8. Соколова В.Ф. Народознание и русская литература XIX века. М., 2009.
9. Самочатова О.Я. Крестьянская Русь в литературе. Тула, 1972.
10. Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 90 тт. Т. 7. М., 1936; Т. 47. М., 1937; Т. 48. М., 1952; Т. 60. М., 1949.
11. Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой: Работы о Льве Толстом: исследования, статьи. СПб., 2009.

REFERENCES

1. Vdovin A.V. Russkii narodnyi kharakter kak “literaturnyi obman” (rasskaz A.F. Pisemskogo «Leshii») [The Russian Folk Character as a “Literary Deception” (A.F. Pisemsky’s Story “Leshiy”)]. *Studia russica helsingiensia et tartuensia*, XII: *mifologiiia kul’turnogo prostranstva* [The Mythology of Cultural Space]. Tartu, 2011, pp. 301–317. (In Russ.)
2. Vdovin A.V. «Nevedomyi mir»: russkaia i evropeiskaia estetika i problema reprezentatsii krest’ian v literature serediny XIX veka [“The Unknown World”: Russian and European Aesthetics and the Problem of Representation of Peasants in Literature of the Middle of the 19th Century]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2016, no. 5, pp. 287–315. (In Russ.)
3. Gusev N.N. *Lev Nikolaevich Tolstoi. Materialy k biografii s 1855 po 1869 god* [Lev Nikolaevich Tolstoy. Materials for the Biography from 1855 to 1869]. Moscow, RAS Publ., 1957. 916 p. (In Russ.)
4. Zhuravleva A.I. Tragediinoe v dramaturgii Ostrovskogo [The Tragic in Ostrovsky’s Dramaturgy]. *Zhuravleva A.I. Koe–chto iz bylogo i dum: O russkoi literature XIX veka* [Something from the Past and Thoughts: On Russian Literature of the 19th Century]. Moscow, *Lomonosov Moscow State Univ. Publ.*, 2013, pp. 202–204. (In Russ.)
5. Zubkov K.Iu. *Stsenarii peremen. Uvarovskaia nagrada i evoliutsiia russkoi dramaturgii v epokhu Aleksandra II* [Scenarios of Change. Russian Drama in the Era of Alexander II]. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie Publ.*, 2021. 608 p. (In Russ.)
6. Lotman L.M. A.N. *Ostrovskii i russkaia dramaturgiia ego vremeni* [A.N. Ostrovsky and the Russian Drama of His Time]. Moscow; Leningrad, *RAS Publ.*, 1961. 360 p. (In Russ.)
7. Maiorova O.E. *Obraz natsii i imperii v vernopoddanneishikh pis’makh k tsariu (1863–1864)* [The Image of the Nation and Empire in Loyal Letters to the Tsar

(1863–1864)]. *Both the Time and the Place: Istoriko-filologicheskii sbornik k shestidesiatiletiiu Aleksandra L'vovicha Ospovata* [Time and Place: Historical-Philological Collection for the Sixtieth Anniversary of Alexander L. Ospovata]. Moscow, *The New Publ.*, 2008, pp. 357–368. (In Russ.)

8. Sokolova V.F. *Narodoznanie i russkaia literatura XIX veka* [Folk Studies and Russian Literature of the 19th Century]. Moscow, *URSS Publ.*, 2009. 334 p. (In Russ.)
9. Samochatova O.Ia. *Krest'ianskaia Rus' v literature* [Peasant Rus in Literature]. Tula, *Prioksky Publ.*, 1972. 176 p. (In Russ.)
10. Tolstoi L.N. *Sobr. soch.: v 90 t.* [Collected Works: In 90 vol.] Vol. 7. Moscow, 1936; Vol. 47. Moscow, 1937; Vol. 48. Moscow, 1952; Vol. 60. Moscow, 1949.
11. Eichenbaum B.M. *Lev Tolstoi: Raboty o L've Tolstom: issledovaniia, stat'i* [Leo Tolstoy: Works about Leo Tolstoy: Studies, Articles]. St. Petersburg, *St. Peterburg Univ. Publ.*, 2009. 951 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 15.01.2024

Принята к публикации 01.06.2024

Отредактирована 07.08.2024

Received 15.01.2024

Accepted 01.06.2024

Revised 07.08.2024

ОБ АВТОРЕ

Асташенкова Мария Фрэнковна — аспирант кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; mariastash@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Mariya Astashenkova — postgraduate student of the Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; mariastash@yandex.ru